

Надь Золтан
Венгрия, г. Печ, Печский университет
Параллельные истории. "Остяки" и "спецы" в Нарымском Крае"

1930-50-ые годы на территории Советского Союза являются годами сталинских репрессий. В это время бывший Нарымский край был одним из важнейших центров политических переселений. Об истории спецпереселений всё больше можно узнать благодаря изданию документов [см. в первую очередь «Спецпереселенцы в Западной Сибири» под ред. С.А. Красильникова, «Из истории земли томской», «Книга памяти жертв политических репрессий» под ред. Тренина и других, серия «Архивы Сибири под грифом «Секретно»», а также архив Томского Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД»], анализов [Красильников 2003, 2004], воспоминаний, которые посвящены истории этого периода времени. Период спецпереселений играет серьёзную роль и в мемориальной политике Томской области: была разработана общественная программа¹ по обработке этих данных, по всей области были установлены памятники. Эти научные и общественные процессы посвящены спецпереселенцам, жизненному опыту тех, кого, вырвав из родной почвы, депортировали на территорию Томской области и бросили на произвол судьбы. Бытующая в наше время «мастер-нарратива» памяти спецпереселений говорит только о страданиях переселенных народов. В этой истории страданий, в истории «васюганской Голгофы» нет места коренным жителям, хантам и селькупам, проживавшим здесь еще до спецпереселений. Между тем, и для народа, называемого в то время «остяками», серьёзным потрясением было время переселений. «Остяки» за немногим более чем одно десятилетие превратились из подавляющего большинства в ничтожное меньшинство, по сути дела растворились в ставшем большинством обществе, основанном на них.

В личных воспоминаниях «остяков» и спецпереселенцев есть значительное расхождение, ведь известно, что именно различный общественный опыт, точнее, его различный политический вес является тем, что ведет к общественной амнезии. По мнению Э. Ренана [Ренан 1882], национальную – в данном случае региональную – идентичность определяет диалектика памяти и забвения: история остяков предаётся забвению, чтобы лучше помнилась история спецпереселений. Может быть, ещё лучше трактует эту ситуацию Алеида Ассманн, по словам которой память переселенцев является частью *функциональной памяти*, коллективной памятью, подкрепленной памятью индивидуальной, памятью, которая составляет гомогенную идентичность данного региона, которая служит отправной точкой в современных политических вопросах, и которая определяет характер политических и культурных дискурсов [Assmann A. 1999.]. Память же коренных жителей является частью *накопительной памяти*, так как она существует только в личных воспоминаниях, переходит в пассивное состояние, не может быть частью национальной – в данном случае областной – идентичности, и даже, возможно, противоположна ей. Воспоминания коренных жителей, «остяков», таким образом, это немые свидетельства, они замалчиваются на всех местных форумах, и следа их нет в дискурсах об «отечестве» и «родине» [Nagy, 2015]

Таким образом, воспоминания спецпереселенцев и «остяков» представляют собой конкурирующие дискурсы, исключаящие друг друга. Хотя на уровне индивидуальной памяти комплементарное прошлое двух дискурсов абсолютно неоднозначно, так как воспоминания «остяков» и спецпереселенцев имеют бесчисленное количество совпадений. Эпоха переселений для обоих народов является историей мученичества, оба народа являются частью «васюганской Голгофы». Оба народа во главу угла ставят в первую очередь собственные мучения, признавая, или скорее даже не признавая хождение по мукам другой стороны, как будто бы два вида мучений соревнуются друг с другом. На самом же деле две истории не противоречат, а дополняют друг друга.

¹ Я имею в виду здесь в первую очередь движение «Прощение и память» с центром в Каргасоке.

Предметом анализа в моем докладе стали только устные воспоминания. Этот анализ является результатом моей приблизительно двухлетней полевой работы на Васюгане, проводившейся между 1992 и 2012 годами, и основывается на связанном с этой темой огромным количеством дневниковых записей, а также материалах почти 50-часовых магнитофонных записей. Я имел возможность разговаривать в первую очередь с теми, кто ребёнком пережил период переселений - так как к тому времени более 70 лет отделяло период переселений от воспоминаний о них – а также с теми, кто происходил из семей спецпереселенцев. Мои собеседники и сегодня живут на территории интересующего меня более всего Каргасогского района, либо родом оттуда, то есть их переселили на территории вдоль Васюгана.

В рамках моего доклада предметом пристального внимания стали только те темы, которые касаются взаимоотношений двух групп. Взаимоотношения «остяков» и спецпереселенцев я классифицирую по нескольким тематическим ключевым точкам. Есть такие рассказы, которые говорят просто об отношениях двух групп. Здесь речь заходит и о стереотипах, которые у них сформировались друг о друге. Важнейшей темой представляется мысль о том, что без помощи «остяков» спецпереселенцы не смогли бы выжить. Эта помощь в одном случае кажется бескорыстной, в другом – расчетом на взаимную выгоду, в третьем – постоянными домогательствами, омрачающими повседневную жизнь. Здесь также необходимо остановиться и на вопросе смешанных браков. Следующая тема – попытки переселенцев к бегству. В удачных и неудачных попытках «остяки» играют роль руководителей, рискуя при этом своим здоровьем. Наконец, предметом анализа является и вопрос о том, какие возможности оценки периода переселений содержатся в воспоминаниях «остяков». Из моего анализа станет очевидно, что «остяки» и переселенцы были в очень тесных взаимоотношениях. Каждый народ в значительной мере оказывал влияние на другую сторону, и те, и другие влияли на жизнь друг друга. Система взаимоотношений многогранна в памяти и спецпереселенцев, и «остяков». Какофония в воспоминаниях является следствием различного личного опыта, различных позиций воспоминаний, различных нарративных стратегий. Это не нарушение системы, а система нарушений.

По моему убеждению, в этих историях прекрасно прослеживается динамика, определившая взаимоотношения коренного населения и переселенного в Западную Сибирь ставшего большинством общества в середине 20-го века, и это служит основой сложившейся сегодня между ними системы отношений.

Литература:

Assmann, A. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis. Zwei Modi der Erinnerung // *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München: 1999. 130–145.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. Москва: 2003

Красильников С.А. Маргиналы в социуме. Маргиналы в социуме. Сибирь (1920-30-е годы). Новосибирск: 2004.

Nagy Z. The Labyrinth of Identity: Khanty Ethnic Identity, its Alternatives, and their Place in the Discourses of Identity. // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Oulu 2015. Plenary Papers (Studia Humaniora Ouluensia)*. Oulu: 2015. 87–108.

Renan, E. What is a Nation? 1882. URL: https://web.archive.org/web/20110827065548/http://www.cooper.edu/humanities/core/hss3/e_renan.html